
ӘДЕБИЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ RELEVANT ISSUES OF LITERATURE STUDY

Научная статья
УДК 82-398
<https://doi.org/10.31489/2025Ph1/112-123>

Получено: 17.11.2024
Принято: 03.02.2025

Д.В. Дьяков*

**Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: diakovd@mail.ru)*

Циклообразующий потенциал темы в русской народной прозе

Цель исследования — анализ циклообразующего потенциала темы в русской народной сказочной прозе на материале сюжетов о «невинно гонимой» женщине, зафиксированных в международном указателе Аарне — Андреева. В качестве материала изучено 1559 текстов русских народных сказок XIX–XX веков, отобранных методом сплошной выборки. Исследование основано на методах сравнительного и статистического анализа, обобщения и мысленного моделирования. Выявлены константные и факультативные мотивы, формирующие структурно-семантическое единство цикла. Установлено, что сюжетное действие подчинено обрядовой структуре, а традиционная преемственность мотивов отражает взаимодействие матриархального и патриархального мировоззрений. Полученные результаты доказывают, что фольклорная циклизация развивается вокруг номинационного образа, обеспечивая устойчивость жанровых традиций и воспроизводимость ключевых тем. Работа расширяет представления о механизмах сюжетной организации и мотививной комбинаторике в сказочном эпосе.

Ключевые слова: циклизация, тема, народная сказка, сюжет, мотив.

Введение

Историографические изыскания показывают, что исследователи фольклорной циклизации, преимущественно былинной, выделяли несколько циклообразующих факторов: локально-пространственный элемент (Киев и Новгород), общность персонажей (Илья Муромец, Садко), идейный замысел (защита Руси) [1-2]. Это стало общим местом в исследованиях эпоса. Расширил представление о природе былинной циклизации С.М. Азбелев, который заявил о роли мотива в развитии эпопейности [3]. В.И. Ерёмкина на примере балладного цикла рассмотрела проблемы ритуальной обусловленности мотивов и их семантики в родственных сюжетах [4]. Более поздние исследования, избегая понятия «цикл», изучали тематико-композиционные группы, тематические гнезда, сюжетные объединения. Это свидетельствовало о понимании консолидирующей функции темы в развитии художественного содержания конкретного жанра. Однако никто из исследователей не рассматривал циклообразующий потенциал темы, как и саму сказочную циклизацию. В.Я. Пропп, детально изучив содержание мотивов волшебной сказки, рассматривал их в контексте обряда инициации и заявлял об их структурообразующих способностях. Настоящее исследование, опираясь на существующие изыскания, направлено на рассмотрение тематического единства «женских» волшебных сказок, созданных на базе ритуально обусловленных мотивов и отразивших различные пласты общественного мировоззрения, включая родовой и матриархально-патриархальный периоды развития. Считая процесс сказочной циклизации диахронным, мы прибегаем к понятию фольклорной традиции, которая обеспечивает преемственность родственных сюжетов и их сохранность в сказочной картине мира.

* Корреспондирующий автор. E-mail: diakovd@mail.ru

Любое художественное произведение, в том числе и фольклорное, является материальным воплощением определенной системы ценностей, отражающей как общечеловеческий, так и конкретно-исторический опыт. Художник как непосредственный участник творческого процесса либо создает картину своего видения мира, либо воссоздает уже существующую. Последнее в большей степени характерно для фольклора как традиционного вида искусства. Понятно, что воссоздать что-либо — не обязательно точно повторить или скопировать, скорее — взять за основу и обновить.

Поэтому воссоздание в фольклоре всегда связано с традицией, роль которой заключается не в пассивной приемственности, а в активной переработке художественного опыта. Иначе говоря, традиция существует не только благодаря влиянию прошлого на современность, но и наличию творческих исканий. Современность, отбирая наиболее актуальные поэтические приемы прошлого, создает новую традицию. Появление таковой непременно влечет за собой ряд изменений. В этой связи В.П. Аникин пишет: «В фольклоре постепенно меняются идеи, структурные образования (т.е. композиция), образность, стиль (т.е. язык, речевые выражения), меняется функциональность произведений в практической и духовной жизни народа» [5; 4]. Как видно, исследователь не включает в представленный перечень мотивы и тему. Это, на наш взгляд, вполне справедливо, если иметь в виду статический характер данных компонентов художественной системы. Они, возникнув в процессе развития жанровой традиции, переходят из одного произведения в другое и остаются актуальными для нескольких поколений творцов.

Важно отметить, что в современной теории фольклора недостаточно проиллюстрированы механизмы тематического циклообразования, которое зачастую сводят к формальному объединению сюжетов вокруг образа. Признавая интегративную роль образа, считаем целесообразным рассмотреть другие формы реализации тематической циклизации в фольклоре. Сказочный цикл в этом смысле является богатным иллюстративным материалом, поскольку, во-первых, отражает механизмы освещения одной темы в родственных сюжетах и, во-вторых, обнаруживает роль темы в выборе и комбинаторике мотивов. В связи с этим цель данной статьи — проанализировать циклообразующий потенциал темы в русской сказочной прозе. Этот аспект привлекает современных теоретиков фольклора и даже искусства, расширяет теоретические представления о естественной природе циклизации, её связи с мотивом как структурным элементом фольклорного текста и фольклорным сознанием в целом [6–8].

Материалы и методы исследования

Анализ построен на *материале* русских народных сказок о «невинно гонимой» женщине, который состоит из 12 генетически связанных сюжетов, зафиксированных в международном указателе Аарне — Андреева: типы 403, 409, 480, 480А, 480В, 480С, 510В, 706, 707, 709 [9-10]. В процессе исследования были использованы записи русских сказок в количестве 1559 текстов методом сплошной выборки из классических собраний XIX — XX веков, среди которых сборники русских народных сказок А.Н. Афанасьева, И.А. Худякова, Д.К. Зеленина, Н.Е. Ончукова, А.М. Смирнова, Б. и Ю.Соколовых и другие [11–18].

Данные сюжеты обладают единой ритуально обусловленной поэтикой, включающей «инициальную» структуру (по В.Я. Проппу), один номинационный центр (невинно гонимая падчерица), однородное семантическое поле образов-символов (по П.П. Червинскому) [19]. Содержание сюжетов отражает эволюцию патриархального мировоззрения в его противостоянии с устойчивыми ценностями матриархата, которые сохранили актуальность в народном сознании XIX века — времени записи сказок о «невинно гонимой» женщине. Указанные характеристики выбранного материала позволяют продемонстрировать ведущую роль тематического фактора в циклообразовании народной прозы.

Процедура исследования состояла из *нескольких этапов*:

1. Сбор и подготовка текстов. Было исследовано 8 исходных сборников русских народных сказок, собранных в рамках этнографических экспедиций Русского географического общества и включающих сюжеты, зафиксированные в международном указателе Аарне — Андреева. Нами учитывались все записи русских народных сказок о «невинно гонимой» женщине, включая варианты.

2. Выделение мотивов. В каждом сюжете были выделены основные мотивы, такие как изгнание, встреча с суженым, предбрачное испытание и другие. Мотивы классифицировались как константные (постоянно встречающиеся) и факультативные (встречающиеся реже).

3. Систематизация сюжетов. Для дальнейшего анализа сюжеты были классифицированы по типам, с учетом их основных мотивов и структур. Это позволило провести углубленный анализ механизма циклизации.

В ходе исследования применялись *научные методы*:

1. Метод сравнительного анализа был применён для изучения сходств и различий между сюжетами и мотивами. Благодаря этому была определена семантика мотивов, их роль в сюжетообразовании и создании единого тематического поля цикла.

2. Метод статистического анализа позволил провести количественный анализ частоты появления мотивов. Это способствовало определению наиболее важных и устойчивых мотивов, повторяющихся в сюжете о «невинно гонимой» женщине, а также выявить закономерности в структуре и содержании циклических мотивов.

3. Метод мысленного моделирования использовался для построения гипотетических моделей взаимодействия мотивов в пределах одного цикла. Это позволило оценить вклад каждого мотива в развитие темы «невинно гонимой» женщины. Кроме того, произведена реконструкция фольклорного сознания на этапе художественного осмысления обряда «женской» инициации, породившего систему сказочных мотивов всех сюжетов о «невинно гонимой» женщине. Это позволило идентифицировать ритуальную основу мотивов, символов-образов, структурное и идейно-тематическое единство цикла, его связь с матриархально-патриархальным мировоззрением.

4. Метод обобщения позволил синтезировать данные по каждому сюжету и выявить общие закономерности в комбинациях мотивов. Константные мотивы использовались для определения основных элементов, объединяющих сюжеты, а факультативные — для изучения уникальных особенностей каждого сюжета. В целом, была оценена роль комбинаторики сюжетов в сохранении единства идейно-тематической направленности цикла.

Результаты и их обсуждение

Процесс темообразования в фольклоре довольно сложен, поскольку, реализуясь в замкнутых границах искусства, стимулируется внешними (неискусствоведческими) факторами. Словом, этот процесс всегда обусловлен объективной реальностью. В народном творчестве для его актуализации служат те жизненные обстоятельства, которые играют первостепенную роль на определенном этапе развития общества. Этим порой объясняется наличие общих тем в разных фольклорных жанрах. Однако, если апеллировать к отмечаемой наукой тенденции, каждый жанр в отдельности тяготеет к определенной (и даже ограниченной) группе тем. Обрядовая поэзия, например, обращается к темам, связанным с рождением, смертью, браком; былины выбирают темы общегосударственного значения; сказки же призваны отражать социально-классовые отношения и этические нормы. Такая тематическая заданность объясняется, прежде всего, особой природой каждого жанра, его целевой установкой. Но для объективного исследования изучение темы в пределах жанра и тем более произведения недостаточно: необходимо расширить рамки за счет общественно-исторического контекста ее формирования.

Любое значительное изменение в общественном устройстве влечет за собой появление новой темы в фольклоре. Длительный процесс ее осмысления может привести к появлению целого ряда одножанровых произведений, образующих тематический цикл, например, о «невинно гонимой» женщине. Он появляется в процессе продолжительного распада общинно-родовых отношений и перехода к моногамной форме брака. Это вызывает глубокие социальные преобразования, в результате которых происходит движение общества от матриархата к патриархату. Женщина оказывается униженной во всех областях жизни, и в первую очередь в семье, поскольку попадает в социальную зависимость от мужа. Сказка, приветствуя общественные преобразования, требует соблюдения равенства между членами одной семьи. Поднимая связанную с этим тему, она вводит в свою систему образов сначала гонимых жену и дочь, а позже мачеху и падчерицу.

Таким образом, тема семейного деспотизма и неравноправия актуализируется в результате трансформации общественных отношений. Это подтверждает причинно-следственную связь циклообразующей темы с объективной действительностью, которая, принимая форму вымысла, лишает сказку правдоподобного сюжета. Поэтому, когда В.Я. Пропп пишет, что «в сказке нет ни одного правдоподобного сюжета» [20; 86], он имеет в виду не надуманную тему или проблему, а неправдоподобную ситуацию, обусловленную художественным замыслом и манерой повествования.

Понятно, что каждый сюжет раскрывает общую тему по-своему. Свидетельством тому служит структурная неоднородность циклосоставляющих произведений, одни из которых имеют простую композицию, другие — более сложную. Это объясняется, как правило, их локально-временными характеристиками, т.е. средой и временем возникновения. Длительная актуальность темы позволяет нескольким поколениям откликнуться на нее. Следовательно, поэтическая организация произведения должна соответствовать той художественной традиции, которая господствует на том или ином этапе развития народного творчества. Поэтому одни сюжеты цикла о «невинно гонимой» женщине, построенные с учетом «модного» тогда в обществе обряда инициации, «подгонялись» сказителями под структуру ритуального действия (типы 403, 409, 480, 480А, 480В, 480С, 510В, 706, 707, 709). Другие же, отказавшись от этого, формировались на основе совершенно иной традиции, будь она свадебно-обрядовой или эстетизирующей «низкого героя» (типы 511, 510А). Несмотря на это, содержание циклосоставляющих сюжетов всё-таки обнаруживает генетическую близость, что объясняется, впрочем, не только общностью темы. Традиция сказочного сюжетообразования требует от рассказчика соблюдения определенных правил, согласно которым он, воссоздавая услышанный вариант, сохраняет основные мотивы и мотивировки произведения. Определить, влияет ли тема на отбор последних, поможет анализ самих сюжетов.

Сюжет, как известно, состоит из мотивов, которые, по словам Б.В. Томашевского, «представляют собой тематическое единство, встречающееся в различных произведениях» [21; 182]. Подобное нельзя упускать из виду при исследовании цикла, поскольку это позволяет вычленивать не только всю совокупность составляющих его мотивов, но и выяснить, какие из них константные, а какие факультативные. В связи с этим отметим важные для такого анализа особенности мотива: триединство, выражающее связь субъекта, предиката, объекта; традиционная устойчивость, позволяющая мотиву переходить из одного сюжета в другой; причинно-временная обусловленность, организующая весь ход сюжетного действия.

Рассмотрим каждый сюжет цикла «о невинно гонимой» женщине с точки зрения комбинаторики составляющих его мотивов.

Сюжет типа 403 «Подменная жена» [11; № 127, 264, 265], [14; № 336], [16; № 122], [18; № 48]

Содержание: царевич, женившись, *отправляется в дальний путь*^{*}. Оставляя жену одну, он велит ей не покидать терема и ни с кем не разговаривать. Спустя какое-то время у дома появляется «женщинка», которая убеждает девушку искупаться в реке. *Окунувшись* в воду, героиня, подвергшись колдовству незнакомки, *оборачивается утицей*. Ведьма, надев одежду околдованной, *выдает себя за жену царевича*. Не заметив подмены, вернувшийся муж продолжает жить с колдуньей. За это время утица приносит трех сыновей, которые становятся объектом ненависти вредителя. *Покушение злой ведьмы на жизнь новорожденных* заставляет героиню *завопить* материнским голосом, который узнает царевич [11; 265]. Разгадав подмену, он *снимает колдовские чары* с истинной жены. Ведьма же *смертельно наказывается*.

Комбинаторика мотивов[†]: мотив отлучки — мотив нарушения запрета-мотив вредительства — мотив изгнания — мотив подмены — мотив вредительства — мотив узнавания — мотив разоблачения вредителя — мотив повторной свадьбы. При этом мотив изгнания героини из дома вербально не зафиксирован в «тексте», он вычленяется из логики повествования; мотив повторной свадьбы обозначает возобновление свершившегося ранее брака между героями после вынужденной разлуки.

Мотивировка вредительства: зависть вредителя по поводу рождения у героини ребенка.

Сюжет типа 409 «Девушка-рысь» [11; № 266], [15; № 354], [17; № 14], [18; № 41]

Содержание: девушка, удачно выйдя замуж, вскоре становится матерью. Завистливая ведьма, воспользовавшись отлучкой мужа («поехал на охоту»), превращает героиню в рысь. Каждую ночь мать-рысь тайно кормит свое дитя молоком, после чего тот становится веселым и игривым. Подобное поведение младенца вызывает у его отца подозрения. Дождавшись ночи, *он узнает правду и снимает с жены колдовские чары*. Ведьма же подвергается *смертельному наказанию*.

Комбинаторика мотивов: мотив отлучки — мотив вредительства — мотив изгнания — мотив узнавания — мотив разоблачения вредителя — мотив наказания — мотив повторной свадьбы. Приме-

* Подчеркнутое обозначает вербальное выражение мотива

† Нами используется номинация мотивов, предложенная В.Я. Проппом [22].

Максимальное сходство содержания сюжетных типов 480, 480А, 480В, 480С позволяет нам не рассматривать каждый из них отдельно.

чательно, что в поздних вариантах данного сюжета, построенных на коллизии падчерицы и мачехи, последняя является вредителем; колдовство в них мотивируется ненавистью мачехи к падчерице; мотив изгнания героини из дома вербально не закреплен в тексте сказки, он вычленяется из логики повествования; начальный мотив свадьбы представлен как уже свершившийся факт до момента повествования. В таких случаях (свадьба как данность) этот мотив в комбинаторику включаться не будет.

Мотивировка вредительства: зависть ведьмы относительно рождения у героини ребенка.

Сюжет типа 480, 480А, 480В, 480С [11; № 95], [12; № 13], [18; № 155]

Содержание: падчерица, *изгнанная мачехой в лес, подвергается испытанию со стороны Морозко, Бабы-яги, Головы или большого Старика. Успешно выдержав испытание, героиня, «отмеченная благополучием», возвращается домой. Мачеха, раздраженная таким исходом дела, умирает.*

Комбинаторика мотивов: мотив изгнания — мотив бытового (вербального) испытания — мотив награждения — мотив возвращения — мотив разоблачения вредителя (т.е. мотив наказания). Примечательно, что немногочисленные варианты сказки завершаются мотивом свадьбы падчерицы (например, запись [11; № 95]).

Мотивировка вредительства: ненависть мачехи к падчерице.

Сюжет типа 510А «Золушка» [11; № 292, 293], [15; № 300], [16; № 105], [18; № 121]

Содержание: *смерть матери* делает героиню сиротой. Второй брак отца не приносит девушке благополучия. Мачеха *взваливает на падчерицу тяжелую домашнюю работу. Дух покойной матери, стараясь облегчить страдания дочери, одаривает ее дорогими нарядами и отправляет на царский бал. Попытка царевича познакомиться с прекрасной незнакомкой оказывается безуспешной. Героиня, покидая царские палаты, теряет туфельку, что в дальнейшем позволяет царевичу не только отыскать суженую, но и сыграть свадьбу.*

Комбинаторика мотивов: мотив отлучки — мотив бытового вредительства — мотив трансфигурации — мотив встречи с суженым — мотив потерянной туфельки — мотив предбрачного испытания — мотив узнавания — мотив свадьбы. При этом к мотиву отлучки относится также смерть родителей героев сказки; мотив трансфигурации представляет собой чудесное перевоплощение героини из замарашки в красавицу; мотив предбрачного испытания в данном сюжете заключается в поиске женихом суженой. Согласно исследованиям В.Я. Проппа, это более поздняя форма подобного испытания [23].

Мотивировка вредительства: ненависть мачехи к падчерице.

Сюжет типа 510В «Свиной чехол» [11; № 290, 291], [12; № 55], [15; № 333], [16; № 99]

Содержание: падчерица, *изгнанная из дома, попадает в лес и какое-то время живет в дупле дуба. Царевич, охотясь в лесу, обнаруживает девушку Свиной чехол и привозит ее во дворец. Царский бал заставляет героиню снять чехол и принять человеческий вид. Оставаясь неузнанной, она теряет свою туфельку и покидает праздник. Царевич, отыскав хозяйку туфельки, женится на ней.*

Комбинаторика мотивов: мотив изгнания — мотив встречи с суженым — мотив трансфигурации — мотив потерянной туфельки — мотив предбрачного испытания — мотив узнавания — мотив свадьбы.

Мотивировка изгнания героини: а) принуждение к инцесту со стороны родного отца или брата; б) в более поздних вариантах — ненависть мачехи.

Сюжет типа 511 «Чудесная корова» [11; № 100, 101], [12; № 56], [13; № 121]

Содержание: *девушка, оставшись сиротой, вынуждена жить со злой мачехой. Ежедневное «общение» с чудесной коровой — материнским наследством — помогает падчерице оставаться сытой и здоровой. Узнав об этом, мачеха приказывает убить животное, кости которого героиня закапывает в землю. Выросшее вскоре дерево приносит наливные яблоки. Проезжавший мимо сада юноша просит трех сводных сестер угостить его плодами. Выполнить просьбу гостя удается только падчерице, которая впоследствии становится его женой.*

Комбинаторика мотивов: мотив отлучки — мотив вредительства — мотив встречи с суженым — мотив предбрачного испытания — мотив свадьбы. Мотив предбрачного испытания в данном сюжете связан с просьбой потенциального жениха угостить его яблочком, брачным символом. В этой связи некоторые исследователи, например, Е.М. Мелетинский, называет этот мотив мотивом сорванного яблока [24].

Мотивировка вредительства: ненависть мачехи к падчерице.

Сюжет типа 706 «Безручка» [11; № 278 — 282], [12; № 22], [15; № 332], [16; № 98], [18; № 117]

Содержание: *родители перед смертью завещают сыну заботиться о сестре и не брать в жены девушку из своей деревни. Нарушив данный завет, юноша женится на «соплеменнице», которая «оказалась злой и коварной». Девушка, оклеветанная невесткой, лишается рук и изгоняется братом в лес. Царевич, охотясь, обнаруживает героиню и привозит ее во дворец. Спустя год после свадьбы муж временно покидает жену. В его отсутствие она становится матерью «чудесного» мальчика, что вызывает зависть у клеветницы. Поэтому она, подменив письмо к царевичу, сообщает ему о рождении звереныша. Ответное письмо разгневанного мужа содержит приказ об изгнании жены с нечеловеческим отпрыском. Вновь очутившись в лесу, безрукая героиня подходит к колодцу, чтобы утолить жажду. Там она встречает Николая Угодника, который исцеляет ее. Вернувшись в родной город, неузнанная никем девушка просит ночлега в доме своего брата, где обнаруживает и своего супруга. Под видом сказки героиня рассказывает свою историю, тем самым разоблачая себя. Вредитель наказывается, а семья восстанавливается.*

Комбинаторика мотивов: мотив отлучки — мотив нарушения запрета — мотив встречи с суженым — мотив свадьбы — мотив чудесного рождения — мотив отлучки — мотив вредительства — мотив изгнания — мотив чудесного исцеления — мотив возвращения домой — мотив узнавания — мотив разоблачения вредителя — мотив повторной свадьбы.

Мотивировка вредительства и изгнания: зависть невестки к золовке.

Сюжет типа 707 «Чудесные дети» [11; № 284], [13; № 5], [15; № 304], [16; № 114], [18; № 331]

Содержание: три сестры рассуждают между собой, что бы сделала каждая, будь она женой царевича. Высказываясь поочередно, младшая сказала, что родила бы мужу чудесных волшебных сыночек. Речь последней понравилась царевичу, который подслушал разговор девушек. Взяв в жены младшую из сестер, он вскоре отправляется в дальний путь. Героиня тем временем приносит трех чудесных сыночек. Сестры, завидуя этому, совершают подмену детей животными. Подобное повторяется три раза. Третье известие о рождении зверенышей гневит царевича, который приказывает поместить жену в бочку и бросить в океан. Героине удается спрятать в своем рукаве одного из сыночек, который, обладая сверхъестественными способностями, переносит бочку на берег. Выбравшись из заточения, женщина узнает, где находятся ее дети. Она печет хлеб, замесив его на грудном молоке, и отправляет сына в лес на поиски братьев. Отведав материнского хлеба, спрятанные в лесу дети вспоминают мать и возвращаются к ней. Путники, посетив царский дом, рассказывают царевичу об увиденном ими красивом острове и чудесных мальчиках. Царевич, отправившись на остров, встречает семью и узнает всю правду. В результате этого семья восстанавливается, а сестры смертельно наказываются.

Комбинаторика мотивов: мотив предбрачного испытания — мотив свадьбы — мотив отлучки — мотив чудесного рождения — мотив вредительства — мотив изгнания — мотив узнавания — мотив разоблачения вредителя — мотив повторной свадьбы. Данный сюжет обнаруживает древнейшую форму мотива предбрачного испытания, связанного с проверкой женщины на пригодность к материнскому воспроизводству. Мотивы отлучки и вредительства повторяются сказкой, согласно фольклорной традиции, троекратно.

Мотивировка вредительства: зависть старших сестер по отношению к младшей.

Сюжет типа 709 «Волшебное зеркальце» [11; № 210], [12; № 16, 45], [15; № 301], [18; № 252]

Содержание: падчерица, изгнанная мачехой в лес, обнаруживает там терем братьев-охотников и остается в нем жить. Мачеха, узнав о местонахождении девушки, отправляет туда колдунью (либо идет сама). Перевоплотившись в нищенку, она дарит героине заколдованный предмет (яблоко, пуговицу, булавку, рубашку), что становится причиной смерти падчерицы. Охотники, поместив мертвое тело в хрустальный гроб, подвешивают его к ветвям дуба. Царевич, охотясь в лесу, обнаруживает гроб и привозит его во дворец. Извлечение заколдованного предмета оживляет героиню, которая выходит замуж за спасителя.

Комбинаторика мотивов: мотив изгнания — мотив отлучки — мотив вредительства — мотив предбрачного испытания — мотив встречи с суженым — мотив свадьбы. Мотив предбрачного испытания заключается в извлечении суженым магического предмета из тела возлюбленной (либо его поцелуй). Некоторые варианты сюжета включают в себя традиционный для волшебной сказки мотив разоблачения вредителя.

Мотивировка вредительства и изгнания: ненависть мачехи к падчерице (иногда — зависть мачехи вызывает красота падчерицы).

Как видно из фактического анализа, цикл о «невинно гонимой» женщине включает в себе определенный корпус мотивов (15), одни из которых константные (8), другие факультативные (7). Вычленим их, указывая частотность употребления каждого.

Константные мотивы цикла:

- Мотив свадьбы — 11, из них 4 — финальных, 3 — начальных, 4 — мотив повторной свадьбы.
- Мотив вредительства — 9, из них 5 — бытового характера, 4 — магического характера (в качестве вводящего для второго хода сказки — 1).
- Мотив испытания — 9 (с учетом версий А, В, С сюжетного типа 480), из них 5 — предбрачных, 3 — бытовых, и 1 — вербальное (в качестве вводящего — 1).
- Мотив изгнания — 8, из них в качестве вводящего — 4; в качестве вводящего для второго хода сказки — 1.
- Мотив отлучки — 7, из них 5 — в значении «отправился в дальний путь», 2 — в значении «смерть родителя» (в качестве вводящего — 5).
- Мотив узнавания героя — 6 (всегда связан с финальным).
- Мотив разоблачения вредителя — 5 (всегда связан с финальным).
- Мотив встречи с суженым — 5 (всегда связан с мотивом свадьбы).

Факультативные мотивы цикла:

- Мотив нарушения запрета — 2.
- Мотив трансфигурации — 2.
- Мотив потерянной туфельки — 2.
- Мотив чудесного рождения — 2.
- Мотив подмены — 1.
- Мотив возвращения героини домой — 2.
- Мотив чудесного исцеления — 1.

Мотивировка изгнания и вредительства оговаривается во всех сюжетах цикла. Согласно этому, можно выделить два типа мотивировки: мотивировка, связанная с завистью вредителя по причине рождения у героини ребенка — 3 случая; и мотивировка, связанная с ненавистью вредителя к героине — 6 случаев.

Проведенное исследование убеждает, что структурное комбинирование мотивов в сюжетах рассматриваемого цикла обнаруживает определенную закономерность. Во-первых, вводящими в большинстве случаев являются мотив изгнания (типы 480, 480А, 480В, 480С, 510В, 709) и мотив отлучки (типы 403, 409, 510А, 511, 706). Свообразным исключением в данном смысле можно считать сюжет типа 707 («Чудесные дети»), который начинается с предбрачного испытания героини. Во-вторых, финальным мотивом восьми сюжетов цикла предстает мотив свадьбы, что свойственно сказке в целом. Выпадает из этого (казалось бы, обязательного для всего жанра) правила сюжет типа 480, 480А, 480В, 480С, который завершается возвращением гонимой падчерицы в родной дом. Однако некоторые варианты сюжета, подчиняясь все же сказочной традиции, включают в свое содержание финальное замужество героини.

Понятно, что каждый мотив выполняет определенную функцию в ходе сюжетного действия и, более того, по-своему связан с темой произведения. Так, вводящий мотив, соответствуя теме сюжета, обнаруживает тем самым основной антагонизм действующих лиц. Это в свою очередь обуславливает сложившийся тип (гонимый / негонимый) главного героя цикла. Финальный мотив же, находясь, как и прочие, в едином тематическом поле, представляет собой исход действия, который соответствует идее сюжета и цикла в целом. Однако следует отметить, что финальный мотив, в отличие от вводящего, не вытекает из конкретной темы — он есть жанровая закономерность, распространяемая на сказку вообще. При этом тема, «выбирая» вводящий мотив, всегда ориентируется на сказочный закон контрастности начала и конца. Согласно ему вводящий мотив должен нести в себе негативное содержание. Как известно, конечная цель волшебной сказки — свадебный пир. Стремление к нему движет сказителем, который, руководствуясь темой произведения, включает в сюжет соответствующие кульминационные мотивы. Они должны не только логически связывать вводящий и финальный мотивы, но и мотивировать художественное разрешение проблемы (т.е. дать ответ на вопрос, почему истинный герой вознаграждается, а ложный наказывается). Как верно в этой связи пишет Н.М. Ведерникова, чем сложнее тема (и проблема) произведения, тем больше мотивов она потребует [25]. Так, тема семейного деспотизма по отношению к женщине требует наличие таких мотивов,

как мотив вредительства, который проявляет антагонизм героев; мотив испытания, который косвенно характеризует героя; мотив встречи с суженым (мужем), который предвещает скорую свадьбу героев.

Каждый из приведенных мотивов имеет не только свои функции, но и логическое продолжение в структуре сюжета. Так, бытовое испытание героя непременно влечет за собой мотив его вознаграждения; мотив вредительства, как правило, предполагает в дальнейшем мотив разоблачения вредителя; мотив встречи с суженым (мужем) логически переходит в финальный мотив свадьбы. При этом необходимость логического продолжения мотивов требует от сюжета соответствующего поэтического оформления последних. Поэтому, например, мотив предбрачного испытания в сюжете «Чудесная королева» строится на заимствованном сказкой обрядовом мотиве сорванного яблока. Сорвать его и угостить им жениха — составляет содержание мотива испытания, за которым следует традиционная свадьба. Подобный случай обнаруживает и сюжет о Золушке, в котором связь указанных мотивов происходит в процессе поиска потенциальным женихом хозяйки потерянной туфельки. Такая оформленность мотива объясняется влиянием новой художественной традиции, задача которой эстетизировать «низкого героя» цикла «о невинно гонимой» женщине. В более древних же (т.е. инициированных) сюжетах этого цикла оформление логически связанных мотивов происходит согласно структуре и философии самого обряда посвящения. Мотив встречи с суженым в них возникает чаще всего в момент временной смерти героини. Суженый предстает тем человеком, который должен вывести девушку из этого пограничного состояния. Предбрачное испытание, как правило, связано с магической стороной сказочного бытия, например, оживить мертвую красавицу: «... стал (царевич — Д.Д.) расчесывать мертвой красавице русую косу... Вдруг выпал из ее косы волшебный волосок — красавица раскрыла очи...» [11; № 211].

Особого внимания в процессе исследования циклосоставляющих мотивов заслуживает мотив вредительства. Сказка редко обходится без него, поскольку традиционно делит мир на добрых и злых, на помощников и вредителей. Цикл сказок о «невинно гонимой» женщине не стал исключением в указанном смысле. Об этом свидетельствует приведенная выше статистика, согласно которой мотив вредительства является одним из распространенных (9 случаев) в цикле. Это объясняется, прежде всего, художественно представленным в сказке конфликтом родовых соперниц, перерастающим в проблему семейного деспотизма. Мотив вредительства достаточно разнообразен по своему содержанию: он может выступать в форме клеветы, колдовства, подмены и даже тяжелой работы по дому. Более того, он имеет способность составлять семантическое поле другого (самостоятельного) мотива. Так, мотив изгнания по сути своей является обыкновенным вредительством со стороны антагониста. Однако функциональная значимость данного мотива в сюжете требует считаться с его спецификой: будучи вводящим, он приобрел статус самостоятельной «функции», которая, по словам В.Я. Проппа, существенно влияет на ход сюжетного действия. Это делает невозможным его замену другой разновидностью мотива вредительства.

Специфика мотива вредительства в цикле «о невинно гонимой» женщине, на наш взгляд, заключается в следующем:

- в силу своей субъектно-объектной ориентированности он призван акцентировать антагонизм героев сказки. Благодаря этому можно выделить несколько антагонистических пар по принципу «вредитель — жертва»: старшие сестры — младшая сестра (тип 707); колдунья — замужняя женщина (типы 403, 409, 707); мачеха — падчерица (типы 480, 480А, 480В, 480С, 510А, 511, 709); невестка — золовка (тип 706);

- в силу указанного выше предназначения он может использоваться рассказчиком несколько раз в процессе развития одного сюжета. В некоторых случаях это приводит к возникновению второго хода произведения, который повествует о злоключениях уже замужней героини (например, тип 706 «Безручка»);

- согласно древней сказочной традиции, мотив вредительства требует художественного обоснования, т.е. мотивировки. Сюжеты цикла на протяжении своего формирования зафиксировали, как указывалось выше, лишь две мотивировки вредительства, характер которых обусловлен раскрываемой сюжетом темой семейного деспотизма в условиях моногамного брака.

Из анализа видно, что построенная на единстве мотивов циклизация сюжетов о «невинно гонимой» женщине имеет единую социально-историческую основу, породившую художественную тему: переход от полигамного рода к моногамной семье; эволюция патриархального мировоззрения в его противостоянии с устойчивыми ценностями матриархата. Другими словами, сказочная циклизация, развиваясь вокруг номинационного образа, показывает тесную связь фольклора с действительностью

и конъюнктурные возможности жанра. В свою очередь, развиваясь в условиях эволюции сказки, циклизация демонстрирует различные уровни реализации жанровых традиций в родственных сюжетах. Поэтому ранние и поздние традиции жанра, сменявшие друг друга на протяжении циклизации, отразились на морфоструктуре, комбинаторике мотивов, символике. По мере появления родственных сюжетов происходит эволюция сказочных мотивов, которая выражается в обогащении устоявшихся, традиционных форм новым содержанием. В результате этого каждый мотив приобретает различные художественные модификации, формируется корпус константных и факультативных мотивов.

Заключение

Совершенно очевидно, что все константные мотивы связаны между собой. Они, переходя из одного сюжета в другой, функционируют в едином тематическом поле цикла. При этом не нарушается художественное своеобразие сюжетов цикла, чему способствует как наличие семантического многообразия константных мотивов, так и появление факультативных. Отметив специфику константных мотивов, обратимся вновь к их комбинаторике в сюжетах цикла. Выясним, существует ли какая-либо закономерность комбинации мотивов в генетически близких сюжетах. С этой целью систематизируем сюжеты с учетом общности их вводящего, константно-кульминационного и финального мотивов.

Разновидности вводящего мотива позволяют разделить сказочный цикл «о невинно гонимой» женщине на 3 группы: 1) сюжеты с вводящим мотивом «изгнание»; 2) сюжеты с вводящим мотивом «отлучка»; 3) сюжеты с вводящим мотивом предбрачного испытания:

1) Мотив изгнания — типы 480, 480А, 480В, 480С, 510В, 709.

а) изгнание — испытание — возвращение (480, 480А, 480В, 480С).

б) изгнание — встреча с суженым — испытание — свадьба (510В).

в) изгнание — вредительство — встреча с суженым — свадьба (709).

2) Мотив отлучки — типы 403, 409, 510А, 511, 706.

а) отлучка — вредительство — встреча с мужем — повторная свадьба (403).

б) отлучка — вредительство — встреча с мужем — повторная свадьба (409).

в) отлучка — вредительство — встреча с суженым — свадьба (510А).

г) отлучка — вредительство — встреча с суженым — свадьба (511).

д) отлучка — вредительство — встреча с суженым — свадьба — вредительство — встреча с мужем — повторная свадьба (706).

3) Мотив предбрачного испытания — тип 707.

а) испытание — свадьба — вредительство — мотив встречи с мужем — повторная свадьба.

Наибольшее единообразие в комбинировании мотивов обнаруживают сюжеты второй группы, построенные по принципу «отлучка — свадьба». Мотивы здесь совпадают не только в своем составе, но и в фабульной последовательности. Более того, эта группа сюжетов может пополниться за счет сюжетных типов 709 (а, 3) и 707 (в, 1), которые, отличаясь друг от друга вводящим мотивом, имеют сходную комбинацию кульминационно-константных и финального мотивов. Данный факт лишний раз подтверждает активную способность вводящих мотивов варьироваться между собой. Следовательно, учитывая максимальное единообразие комбинаторики константных мотивов в 7 сюжетных типах цикла из 12, можно заключить, что художественное действие циклосоставляющих произведений развивается в следующем порядке: вводящий мотив — вредительство — встреча с суженым (мужем) — свадьба (повторная свадьба).

Таким образом, сюжеты цикла, сохраняя свое художественное своеобразие, развивают общую тему (семейный деспотизм и неравноправие женщины в условиях моногамного брака) с помощью одних и тех же мотивов. Они, переходя из одного произведения в другое, часто приобретают дополнительную семантику, что делает сюжеты цикла разнообразными по своему содержанию. Не последнюю роль в этом смысле играют факультативные мотивы, которые, придавая сюжету определенную уникальность, характеризуются низкой частотностью употребления.

Все мотивы цикла находятся в едином тематическом поле, о чем свидетельствуют, во-первых, их логическая связанность, при которой один мотив предполагает наличие другого, и, во-вторых, сходная их комбинаторика, что объясняется, с одной стороны, подчинением сюжетного действия обрядовой структуре, с другой — традиционной преемственностью генетически близких сюжетов.

Выбор мотивов осуществляется как в соответствии с основной темой цикла, так и с учетом номинационного центра, т.е. главного персонажа. Он, как участник описываемых событий, требует актуализации той или иной семантической разновидности мотива. Так, тип гонимой / негонимой героини

ни в цикле о «невинно гонимой» женщине обязательно предполагает: мотив отлучки с семантической разновидностью «смерть матери» (или родителей), но никогда — «смерть отца»; испытание бытового или предбрачного характера, но никогда — трудную задачу; вредительство со стороны женщины (чаще мачехи, реже — наемной колдуньи).

Некоторые мотивы цикла сопровождаются мотивировками. К таковым в цикле о «невинно гонимой» женщине относятся мотив изгнания и мотив вредительства, которые, как правило, обусловлены ненавистью либо завистью одной героини к другой. Однако цель мотивировки, как мы убедились, не сводится к простой констатации причины гонения или порчи. Указывая на основной антагонизм героев, она обуславливает проблему и, как следствие, тему и идею сказки в целом.

В процессе сказочной циклизации, основанной на генетической преемственности сюжетов, создается единая система мотивов. Она представлена в циклизации схожими комбинациями мотивов, которые, переходя из одного сюжета в другой, освещают конкретную тему. Находясь в едином тематическом поле, мотивы демонстрируют логическую связь с номинационным персонажем, который актуализирует их семантические разновидности с учетом сюжетных ситуаций.

Результаты настоящего исследования могут найти продолжение в изучении хронологии родственных сюжетов, отражающих различные мировоззренческие и жаровые традиции. Целесообразно изучить контаминационные процессы и природу семантического поля родственных сюжетов как свидетельства естественной циклизации в народной прозе.

Список литературы

- 1 Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. — М.: Азбука-Аттикус, 2021. — 800 с.
- 2 Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос / В.М. Жирмунский. — Л.: Наука, 1974. — 727 с.
- 3 Азбелев С.М. Историзм былин и специфика фольклора / С.М. Азбелев. — М.: Наука, 1992. — С. 194.
- 4 Ерёмин В.И. Ритуал и фольклор / Ерёмин В.И.. — Л.: Наука, 1991. — С. 112.
- 5 Аникин В.П. Традиции русского фольклора / Аникин В.П. // Традиции русского фольклора. — 1986. — С. 4–12.
- 6 Былинкина В.В. Цикл как форма художественного произведения в искусстве: теоретический аспект / Былинкина В.В. // Искусство и культура. — 2022. — № 1 (45). — С. 20–24.
- 7 Силантьев И.В. Мотив как системная единица фольклорного и литературного повествования / Силантьев И.В. // Фольклорный мотив: инструмент анализа и объект изучения: материалы Международного круглого стола (23-24 апреля 2021 г.) / Сост.: О.Б. Христофорова, В.А. Черванёва. Москва: РГГУ, 2021. — С. 12–22.
- 8 Березкин Ю.Е. Мотив как идеальный тип, или Трикстерские эпизоды в евразийском фольклоре / Березкин Ю.Е. // Фольклор: структура, типология, семиотика. — 2022. — Т. 5. — № 1. — С. 10–29. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-10-29
- 9 Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Андреев Н.П. — Л., 1929.
- 10 Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка / под ред. Л.Г. Барага. — М.: Наука, 1979. — 436 с.
- 11 Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Вып. 1–8. — М., 1855–1864.
- 12 Худяков И.А. Великорусские сказки. — М., 1860–1862.
- 13 Ончуков Н.Е. Северные сказки. — СПб., 1908.
- 14 Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. — Пг., 1914.
- 15 Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. — Пг., 1915.
- 16 Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. — М., 1915.
- 17 Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. — СПб., 1884.
- 18 Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок. — Пг., 1917.
- 19 Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции / П.П. Червинский — Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1989. — 222 с.
- 20 Пропп В.Я. Фольклор и действительность / Пропп В.Я. — М.: Азбука, 2024. — 448 с.
- 21 Томашевский Б.В. Теория литературы / Томашевский Б.В. — М.: Флинта, 2018. — 335 с.
- 22 Пропп В.Я. Морфология сказки / Пропп В.Я. — М.: Иллюминатор, 2023. — 224 с.
- 23 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Пропп В.Я. — СПб.: Изд-во Питер, 2021. — 576 с.
- 24 Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Мелетинский Е.М. — М., СПб.: Академия исследований культуры, Традиция, 2005. — 240 с.
- 25 Ведерникова Н.М. Мотив и сюжет в волшебной сказке / Ведерникова Н.М. // Филологические науки, 1970. — № 2. — С. 57–65.

Д.В. Дьяков

Орыс халық прозасындағы тақырыптың циклдік әлеуеті

Зерттеудің мақсаты — Аарне — Андреевтің халықаралық көрсеткішінде тіркелген «әділетсіз қуғындалған» әйел туралы орыс халық ертегілерінің сюжеттері негізінде тақырыптың циклдік әлеуетін талдау. Материал ретінде XIX–XX ғасырлардағы 1559 орыс халық ертегісі қолданылды, олар толық іріктеу әдісімен таңдалды. Зерттеуде салыстырмалы, статистикалық талдау, жалпылау және ойша модельдеу әдістері пайдаланылды. Циклдің құрылымдық-семантикалық бірлігін қамтамасыз ететін тұрақты және факультативті мотивтер анықталды. Сюжеттік әрекеттің салттық құрылымға бағынатындығы және мотивтердің дәстүрлі сабақтастығы матриархат пен патриархат дүниетанымдарының өзара байланысын көрсететіні дәлелденді. Алынған нәтижелер фольклорлық циклизацияның номинациялық образ айналасында дамидыны және бұл жанрлық дәстүрлердің тұрақтылығын қамтамасыз ететінін көрсетеді. Жұмыс ертегі эпосындағы сюжеттік ұйымдасу және мотивтік комбинация механизмдері туралы түсініктерді кеңейтеді.

Кілт сөздер: циклизация, тақырып, халық ертегісі, сюжет, мотив.

D.V. Dyakov

Cyclical Potential of the Theme in Russian Folk Prose

The aim of the study is to analyze the cyclical potential of the theme in Russian folk prose based on the plots of the “unfairly exiled” woman recorded in the international index Aarne — Andreev. The material consists of 1,559 Russian folk tales from the 19th–20th centuries, selected using the continuous sampling method. The research employs comparative and statistical analysis, generalization, and mental modeling methods. The study identifies constant and optional motifs that form the structural-semantic unity of the cycle. It is established that the plot action follows a ritual structure, and the traditional continuity of motifs reflects the interaction between matriarchal and patriarchal worldviews. The findings confirm that folklore cyclization develops around a nominative image, ensuring the stability of genre traditions and the reproduction of key themes. This work expands the understanding of plot organization mechanisms and motif combination in the fairy-tale epic.

Keywords: cyclization, theme, folk tale, plot, motif.

References

- 1 Propp, V.I. (2021). *Russkii geroicheskiy epos [Russian heroic epic]*. Moscow: Azbuka-Attikus [in Russian].
- 2 Zhirmunsky, V.M. (1974). *Tiurkskii geroicheskiy epos [Turkic heroic epic]*. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 3 Azbelev, S.M. (1992). *Istorizm bylin i spetsifika folklor [Historicism of epics and the specificity of folklore]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 4 Eremina, V.I. (1991). *Ritual i folklor [Ritual and folklore]*. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 5 Anikin, V.P. (1986). Traditsii russkogo folklor [Traditions of Russian folklore]. *Traditsii russkogo folklor — Traditions of Russian folklore*, 4–12 [in Russian].
- 6 Bylinkina, V.V. (2022). Tsikl kak forma khudozhestvennogo proizvedeniia v iskusstve: teoreticheskii aspekt [The cycle as a form of a work of art in art: theoretical aspect]. *Iskusstvo i kultura — Arts and culture*, 1 (45), 20–24 [in Russian].
- 7 Silantev, I.V. (2021). Motiv kak sistemnaia edinitsa folklornogo i literaturnogo povestvovaniia [Motif as a systemic unit of folklore and literary storytelling]. *Folklornyi motiv: instrument analiza i obekt izucheniia: Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola (23-24 apreliia 2021 g.) — Folklore motive: a tool of analysis and an object of study: materials of the International Round Table (April 23-24, 2021)*. Moscow, Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet [in Russian].
- 8 Berezkin, Iu.E. (2022). Motiv kak idealnyi tip, ili Trikstorskie epizody v evraziiskom folklor [Motive as an ideal type, or Trickster episodes in Eurasian folklore]. *Folklor: struktura, tipologiia, semiotika — Folklore: structure, typology, semiotics*, 5(1), 10–29. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-10-29
- 9 Andreev, N.P. (1929). *Ukazatel skazochnykh siuzhetov po sisteme Aarne [Index of fairy tales according to the Aarne system]*. Leningrad [in Russian].
- 10 Barag, L.G. (1979). *Sravnitelnyi ukazatel skazochnykh siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka [Comparative index of fairy tales. East Slavic fairy tale]*. Moscow: Science [in Russian].
- 11 Afanasev, A.N. (1885). *Narodnye russkie skazki [Russian folk tales]*. Moscow [in Russian].
- 12 Khudiakov, I.A. (1860). *Velikorusskie skazki [Great Russian fairy tales]*. Moscow [in Russian].

- 13 Onchukov, N.E. (1908). *Severnye skazki [Northern tales]*. Saint Petersburg [in Russian].
- 14 Zelenin, D.K. (1914). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii [Great Russian fairy tales of the Perm province]*. Petrograd [in Russian].
- 15 Zelenin, D.K. (1915). *Velikorusskie skazki Viatskoi gubernii [Great Russian fairy tales of the Vyatka province]*. Petrograd [in Russian].
- 16 Sokolov B. & Sokolov Iu. (1915). *Skazki i pesni Belozerskogo kraia [Fairy tales and songs of the Belozersky region]*. Moscow [in Russian].
- 17 Sadovnikov, D.N. (1884). *Skazki i predaniia Samarskogo kraia [Fairy tales and legends of the Samara region]*. Saint Petersburg [in Russian].
- 18 Smirnov, A.M. (1917). *Sbornik velikorusskikh skazok [Collection of Great Russian fairy tales]*. Petrograd [in Russian].
- 19 Chervinsky, P.P. (1989). *Semanticheskii yazyk folklornoj traditsii [Semantic language of folklore tradition]*. Rostov: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta [in Russian].
- 20 Propp, V.Ia. (2024). *Folklor i deistvitel'nost' [Folklore and reality]*. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 21 Tomashevskii, B.V. (2018). *Teoriia literatury [Theory of literature]*. Moscow: Flinta [in Russian].
- 22 Propp, V.Ia. (2023). *Morfologiya skazki [Morphology of a fairy tale]*. Moscow: Illuminator [in Russian].
- 23 Propp, V.Ia. (2021). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical roots of fairy tales]*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Piter [in Russian].
- 24 Meletinskii, E.M. (2005). *Geroi volshebnoi skazki. Proiskhozhdenie obraza [Hero of a fairy tale. Origin of the image]*. Moscow, Saint Petersburg: Akademiia issledovaniia kultury, Traditsiia [in Russian].
- 25 Vedernikova, N.M. (1970). Motiv i suzhet v volshebnoi skazke [Motif and plot in a fairy tale]. *Filologicheskie nauki — Philological Sciences*, 2, 57–65 [in Russian].

Information about the author

Dyakov, Dmitry Viktorovich — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: djakovd@mail.ru.